

В. МАУ,
доктор экономических наук,
ректор Академии народного хозяйства
при Правительстве РФ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 2009 ГОДА: МЕЖДУ КРИЗИСОМ И МОДЕРНИЗАЦИЕЙ*

Обзорные статьи по экономической политике я пишу для журнала «Вопросы экономики» с 1993 г. Приступая к настоящей статье, не могу не вспомнить Егора Тимуровича Гайдара, который был одним из инициаторов этого жанра в современной России. Его блестящие годовые обзоры, публиковавшиеся в журнале «Коммунист» с 1989 г., оказали огромное влияние на мое поколение экономистов. Гайдар возродил жанр, ушедший из нашей экономической науки в конце 1920-х годов, со сломом рыночной экономики нэпа. Самая яркая из его обзорных статей была опубликована в январе 1991 г. и имела пророческое название – «В начале новой фазы». До нее оставались считанные месяцы.

Создавая в 1990 г. Институт экономической политики (позднее – Институт экономики переходного периода), его директор Гайдар поставил перед своими сотрудниками задачу изучать происходящее, сочетая анализ текущей конъюнктуры с теоретическими обобщениями и осмысливанием тенденций социально-экономического развития страны. Это первая статья, которую я не смог показать Е. Т. Гайдару до передачи ее в редакцию журнала.

Главный итог кризисного года: институциональная устойчивость

Предыдущий год начинался с катастрофических ожиданий невиданного по глубине экономического кризиса, включая финансовый коллапс, падение цен на нефть ниже 30 долл./барр., неуправляемое обесценение рубля, глубокий спад производства, массовую безработицу и социальную нестабильность. Ничего этого не произошло. Более того, помимо принятия собственно антикризисных мер, проявились

* Автор выражает благодарность А. Моисееву, О. Кочетковой и К. Юдаевой за помощь в подготовке настоящей статьи.

некоторые новые положительные тенденции, среди которых выделяется существенное снижение инфляции.

Очень важны результаты минувшего года с точки зрения характера функционирования экономико-политических институтов. Это был второй крупный кризис, через который пришлось пройти политической системе посткоммунистической России, основанной на Конституции 1993 г. В обоих случаях система продемонстрировала достаточную устойчивость и гибкость, способность реагировать на вызовы кризиса, не допуская политических потрясений. Причем налицо даже некоторый прогресс. В 1998 г. политические институты не смогли своевременно предотвратить драматическое развертывание кризиса, и правительство стало проводить активную антикризисную политику, лишь когда страна оказалась на грани (или даже за гранью) финансовой катастрофы. Теперь же, напротив, политическая система сумела быстро, буквально в первые дни кризиса, адаптироваться к резкому изменению конъюнктуры и начать функционировать в режиме антикризисного управления.

Можно назвать много недостатков и проблем российской антикризисной политики 2009 г., предлагать альтернативные варианты действий. Все это будет интересно с точки зрения теоретических дискуссий, особенно с позиций экономических историков будущего. Однако необходимо признать, что власть смогла консолидироваться и не утратила контроль над ситуацией, хотя сначала многим казалось, что слабость российских институтов и незрелость политического класса обернутся тяжелыми экономическими, социальными и политическими потерями.

Главное же в том, что после кризиса Россия скорее всего перейдет на новый уровень доверия между основными субъектами экономической жизни. Правительство продемонстрировало, что оно способно быстро принимать и реализовывать необходимые решения (во всяком случае, в чрезвычайной ситуации). Центральный банк показал, что он действительно кредитор последней инстанции и в состоянии быстро находить новые инструменты для решения возникающих проблем. Социальные институты подтвердили способность работать в условиях кризиса и курировать усиление напряженности на рынке труда. Наконец, была практически доказана правильность курса предшествующих лет на накапливание резервов, которые могут использоваться для смягчения остроты кризиса, учитывая особую уязвимость российской экономики в условиях резких колебаний внешнеэкономической конъюнктуры.

Глобальный кризис вновь подчеркнул необходимость комплексной модернизации нашей страны — технологической, экономической, социальной. Российская экономика оказалась наиболее неустойчивой с точки зрения показателей и производства (спад ВВП и промышленности был одним из самых глубоких в мире), и фондового рынка. Разумеется, глубину спада можно отчасти компенсировать высокими темпами роста до кризиса и ожиданием высоких темпов восстановления (что особенно наглядно демонстрировал фондовый рынок). Однако неустойчивость создает серьезные угрозы для долгосрочного развития. Здесь требуются инструменты, обеспечивающие его стабильность. Эту задачу помогут решить модернизация и диверсификация; именно они находились

в центре политического дискурса президента и правительства страны в минувшем году, формируя стратегическую повестку дня.

Предложив перейти к решению указанной проблемы в логике «ручного управления», президент РФ создал и лично возглавил Комиссию по модернизации и технологическому развитию. Она должна сосредоточиться на пяти ключевых направлениях технологического прорыва, которые станут прямой сферой президентского контроля: энергоэффективность и энергосбережение, в том числе разработка новых видов топлива; ядерные технологии; космические технологии, прежде всего связанные с телекоммуникациями (ГЛОНАСС и наземная инфраструктура); медицинские технологии; стратегические информационные технологии, включая создание суперкомпьютеров и программного обеспечения. На базе возглавляемой И. И. Шуваловым правительственный комиссии по повышению устойчивости российской экономики и ряда других была создана Комиссия по экономическому развитию и интеграции, в задачи которой будет также входить решение вопросов, связанных с модернизацией национального хозяйства.

Особенности антикризисной политики 2009 года: Россия на фоне других стран¹

В отличие от ситуации 1998 г., российская антикризисная политика в 2009 г. должна была реагировать на глобальные вызовы с учетом как общего направления антикризисных мер ведущих стран мира, так и специфических особенностей социально-экономического развития страны в предшествующие годы. Глобальный характер кризиса не означает, что он везде протекает одинаково и имеются универсальные рецепты противодействия его распространению. Более того, итоги минувшего года продемонстрировали значимость для антикризисной политики каждой страны двух факторов: особенности экономической ситуации до начала кризиса и специфика развертывания самого кризиса в той или иной стране. Исходя из сказанного, можно выделить две большие группы стран, а также несколько их подгрупп.

Первая группа — страны, имевшие до начала кризиса стабильную макроэкономику, то есть низкую инфляцию и умеренный бюджетный дефицит. Ключевой проблемой для них было не допустить дефляционный шок и развертывание кризиса по сценарию 1930-х годов. Они могли в целях борьбы с кризисом использовать стабилизирующую мягкую денежную и фискальную политику. К этой группе относятся США, Япония, Китай, большая часть стран Европы (Германия, Франция, Англия).

С точки зрения особенностей антикризисной политики в этой группе выделяются две подгруппы:

— относительно небольшие страны, оказавшиеся в кризисе под влиянием глобальных процессов, но быстро начавшие выходить из него. На пике кризиса они проводили стабилизирующую мягкую фискальную политику, но сейчас стали отказываться от таких мер. Это, в частности, Израиль и Австралия, которые уже в прошлом году начали повышать процентные ставки;

— крупнейшие страны мира, где во втором полугодии 2009 г. началось восстановление экономики, но этот рост базируется преимущественно

¹ В этом разделе использованы материалы, подготовленные совместно с К. Юдаевой.

на мерах государственной поддержки. Отказ от них считается опасным как с национальной, так и с глобальной точек зрения. Здесь сворачиваются лишь чрезвычайные меры по предоставлению ликвидности.

Вторая группа — страны, имевшие до кризиса макроэкономические проблемы или неустойчивую основу для экономического роста. Для них главная опасность — попасть в ловушку стагфляции, аналогичную кризису 1970-х годов. Они были вынуждены сконцентрироваться на реализации стабилизационных программ по типу тех, которые обычно предлагает МВФ, включая сокращение бюджетных расходов и повышение процентных ставок для стабилизации национальной валюты. Многие из этих стран столкнулись с серьезными проблемами в банковском секторе и были вынуждены проводить национализацию и рекапитализацию банков.

Здесь можно выделить три подгруппы:

— страны с очень серьезными проблемами, которые возникли с начала кризиса и не решены до сих пор. В настоящее время они вынуждены продолжать жесткий макроэкономический курс. В их числе «перегретые» перед кризисом страны Балтии, Исландия и Ирландия, Украина и т. д.;

— страны, которые столкнулись с макроэкономическими дисбалансами в начале кризиса, но смогли их локализовать и затем проводили уже более мягкую политику, в первую очередь денежную. К ним относятся Россия, Венгрия и некоторые другие не слишком пострадавшие от кризиса страны Восточной Европы. И Россия, и Венгрия после преодоления острой фазы кризиса перешли к политике снижения процентных ставок;

— страны, где удар первой волны кризиса был не очень сильным, но ситуация стала ухудшаться из-за неготовности проводить ответственную макроэкономическую политику. Для них вероятен переход к политике, основанной на стандартном стабилизационном пакете МВФ. Прежде всего это относится к Греции.

Меры антикризисной политики 2009 г. можно объединить в четыре группы²:

— противодействие банковскому кризису, то есть предотвращение коллапса банков путем принятия чрезвычайных мер по предоставлению ликвидности;

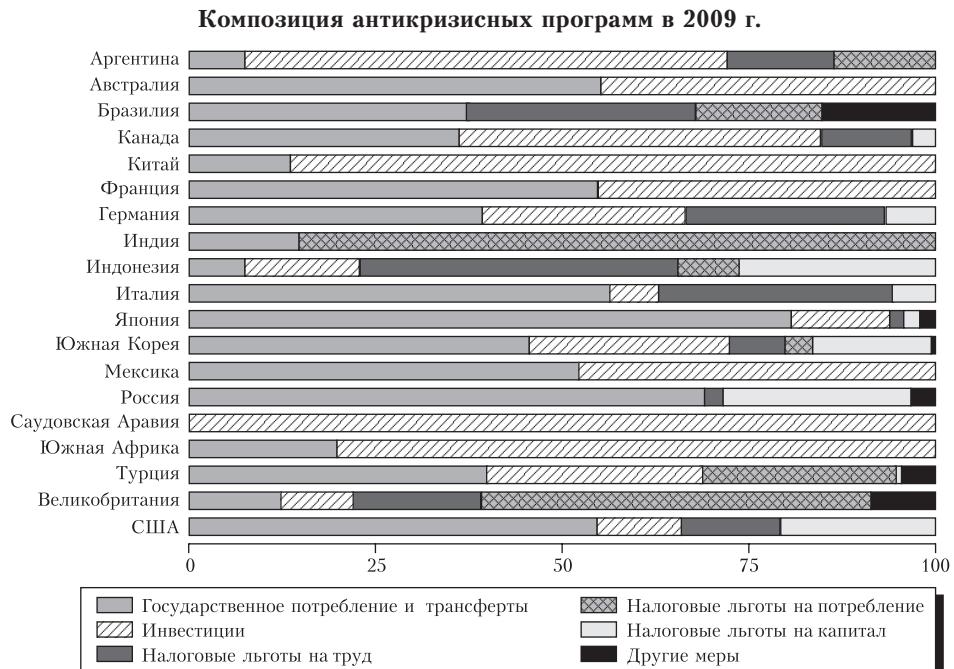
— меры денежно-кредитной политики, включая переход от антиинфляционной к стимулирующей политике (quantitative easing), что должно было поддерживать экономический рост и расширить доступ к кредитным ресурсам. Здесь, конечно, важно, что — стагфляция или дефляция — представляло главную угрозу для данной страны;

— поддержка реального сектора (стимулирование спроса), то есть отраслей, ориентированных на внутренний спрос и обеспечивающих внутреннюю занятость;

— помочь населению — здесь ключевую роль играют политика занятости и смягчение социальной напряженности.

² Более подробно система антикризисных мер рассмотрена в статье: *May B.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. 2009. № 2.

Соотношение этих мер в разных странах было различным с учетом особенностей проявления проблем, связанных с глобальным кризисом (см. рис.).

Источник: МВФ.

Рис.

Контуры антикризисной политики России

Специфика антикризисной политики России в 2009 г. определялась следующими обстоятельствами.

Во-первых, к началу кризиса уровень инфляции был высокий (Россия была единственной страной «большой двадцатки» с двузначной инфляцией). С учетом быстрого спада производства страна попадала в ловушку стагфляции, то есть с макроэкономической точки зрения характер кризиса оказывался существенно иным, чем в большинстве стран мира, для которых главной угрозой была дефляция. Соответственно ЦБ РФ должен был прежде всего повысить реальную процентную ставку до положительного значения и лишь затем, по мере снижения инфляции, приступить к ее понижению.

Во-вторых, из-за высокого уровня монополизма в российской экономике снижалась эффективность бюджетных стимулов. Опыт докризисных лет убедительно свидетельствовал, что расширение бюджетного спроса приводило к росту цен, а не предложения. Тем самым роль классических бюджетных стимулов (прежде всего инвестиций в инфраструктуру и строительство) не могла быть существенной. Скорее определенную стимулирующую роль могло сыграть снижение налогов, что и было реализовано в конце 2008 г.

В-третьих, из-за слабости политico-правовых институтов (особенно обеспечивающих исполнение законодательства) эффективность мер бюджетной поддержки еще больше снижалась³.

В-четвертых, текущий глобальный кризис наглядно продемонстрировал (хотя это было понятно и раньше) структурную уязвимость российской экономики, ее однобокость и неэффективность. Нынешний кризис не только циклический, но и структурный. Для России проблема модернизации в кризисных условиях стала еще более актуальной, что требует сочетания в экономической политике антикризисных и модернизационных мер.

Роль социальной политики

Сказанное объясняет, почему в России в числе антикризисных мер значительную роль играли *социальная поддержка населения* (увеличение пенсий, создание института общественных работ, организуемых по месту основной занятости) и поддержка отдельных предприятий (см. табл.). Во втором случае помочь отдельным предприятиям, ее причины и направления, как правило, также имели социальную окраску.

Таблица

Расходы на антикризисные меры, 2009 г. (млрд руб.)

	План	Факт
Всего	2244,0	2412,0
Отраслевые меры	1625,8	1734,9
в том числе поддержка банковской системы	280,0	280,0
Поддержка населения	593,7	652,6
Взнос в антикризисный фонд ЕврАзЭс	24,5	24,5

Источник: Минэкономразвития России.

Российский антикризисный бюджет оказался одним из наиболее социально ориентированных. Этому есть не только политическое, но и экономическое объяснение. Спрос, генерируемый социальной помощью, исходит прежде всего от бедных слоев населения и концентрируется преимущественно на товарах отечественного производства (относительно подешевевших в результате девальвации), которые в основном производятся в более конкурентных секторах экономики. Такое расширение спроса может оказывать больший стимулирующий эффект, чем бюджетный спрос на инфраструктурные объекты или жилищное строительство.

Особой проблемой стали *моногорода*. Правительство видело здесь серьезную угрозу, прежде всего социально-политическую, а также возможность приступить к их реструктуризации на основе реальной (и точечной) модернизационной политики. Универсальных решений в этой области нет, потому было предложено разрабатывать индиви-

³ О качестве российских политico-правовых институтов подробнее см.: Фрейнкман Л., Дашиев В. Россия в 2007 году: риски замедления экономического роста на фоне сохраняющейся институциональной стагнации // Вопросы экономики. 2008. № 4.

дуальные программы их развития и преобразования — от диверсификации до полной ликвидации (в исключительных случаях).

Реальный сектор

Правительство стало оказывать *поддержку ряду предприятий*, сформировав список «системообразующих». Основным ее инструментом выступили государственные гарантии по кредитам. Данный механизм долго разрабатывался и начал функционировать только с середины 2009 г. С одной стороны, это позволило стабилизировать социальную ситуацию, а с другой — препятствовало реструктуризации и обновлению. Ведь многие системообразующие предприятия — на самом деле системообразующие банкроты, и их спасение не поможет решить задачи модернизации.

В отличие от ряда других стран в России собственники и менеджеры компаний, спасенных государством, не были заменены и пострадали в минимальной степени. Это имеет негативный социально-психологический эффект, так как показывает, что крупные предприятия могут себе позволить шантажировать власть.

Стимулирование спроса осуществлялось также при помощи межбюджетных трансфертов.

Макроэкономического стимулирования экономики в классическом виде в России еще не было. Антикризисный бюджет был принят только в конце апреля 2009 г., причем вливание ликвидности в экономику через бюджетный канал стерилизовалось через денежно-кредитный: коммерческие банки возвращали Банку России кредиты времен девальвации в объеме, практически равном денежной эмиссии, связанной с бюджетными расходами. В результате ликвидность оставалась до последнего времени в дефиците, что привело к снижению запасов готовой продукции до 7,5% ВВП, а инфляция во втором полугодии 2009 г. упала почти до нуля. В 2010 г. ситуация должна измениться, так как банки практически полностью расплатились по беззалоговым кредитам, а Банк России снижал процентные ставки по залоговым операциям, что увеличило спрос на них. Номинальные расходы федерального бюджета в 2010 г. останутся на высоком уровне 2009 г. (бюджет балансируется при среднегодовой цене на нефть около 105 долл./барр.).

Банковский сектор

Ряд принятых мер по *поддержке банковского сектора* позволили ему удержаться на плаву без серьезных потрясений. Упор был сделан, как и в случае реального сектора, на сохранение существующих институтов и собственников. Главным здесь было предоставление ликвидности. Центральный банк РФ впервые выступил в качестве полноценного кредитора последней инстанции, не допустив дестабилизации банковского сектора. Банковская паника была решительно пресечена, что радикально отличается от ситуации 1998 г.

Однако в среднесрочной перспективе эта политика может иметь негативные последствия, поскольку не произошло очищения банков-

ской среды. Впрочем, можно предположить, что Центробанк просто не стал на пике кризиса решать структурные задачи. Если это так, то в 2010 г., при отсутствии новых банковских потрясений, можно ожидать мер по оздоровлению банковского сектора.

Пока не произошло существенных сдвигов в области плохих долгов. Из-за ослабления стандартов регулирования капитала можно маскировать ситуацию, поддерживать видимость устойчивости банковского сектора при ухудшении качества активов. Вступивший в действие осенью 2009 г. закон, разрешающий увеличивать капитал банка за счет ОФЗ для списания плохих активов, на практике не заработал: мягкие требования к капиталу в совокупности с политикой пролонгации плохих долгов позволяют откладывать решение неприятной проблемы на будущее. Тем самым сохраняется возможность банковского кризиса.

Денежная политика

В *денежной политике* Россия пошла по пути плавной девальвации, завершившейся в январе 2009 г., и отказа (в значительной мере) от таргетирования валютного курса. Это было очень важное и сложное решение. На протяжении всей посткоммунистической истории российские денежные власти уделяли экономическому росту гораздо больше внимания, чем требует от них Конституция РФ. Начиная с низких ставок рефинансирования и технических кредитов 1992 г. и заканчивая политикой сдерживания укрепления валютного курса в 2000-е годы, денежные власти всегда приносили задачу снижения инфляции в жертву поддержке реального сектора. Негативные эффекты такой политики стерилизовались действиями Министерства финансов⁴. Теперь предпринимаются попытки выстроить антиинфляционную политику, сглаживая колебания валютного курса. При ее реализации денежные власти могут столкнуться с серьезным противодействием, как только станет ясно, что укрепление рубля противоречит текущим интересам и производителей для внутреннего рынка, и политически влиятельных экспортёров. Правда, низкая инфляция — исключительно важный фактор с точки зрения стратегических интересов развития страны, повышения производительности труда и эффективности национальной экономики.

Впрочем, опыт 2009 г. показал, что девальвация не служит универсальным лекарством от низкой конкурентоспособности. Многие ожидали повторения чуда десятилетней давности — начала бурного импортозамещающего роста благодаря снижению курса рубля, но этого не произошло. Хотя девальвация способствовала некоторому оживлению производства продуктов питания (мяса, молока, масла), текстильных изделий, обуви, целлюлозы, химических удобрений, восстановление роста не будет столь спонтанным, как в 1999 г., и для этого потребуются, по-видимому, более сложные механизмы.

⁴ О парадоксах российской экономической политики, при которой Центральный банк заботится об экономическом росте, а Министерство финансов — о стабильности валюты, подробнее см.: Юдаева К., Годунова М. Уроки кризиса для России: макроэкономическая политика // Экономическая политика. 2009. № 6. С. 39–40.

Причин несколько. Во-первых, десять лет назад мировая экономика находилась на подъеме, и спрос на продукцию российского экспорта был практически неограниченным, сейчас же налицо глобальная рецессия. Во-вторых, в конце 1990-х годов в России начался восстановительный рост, то есть имелись значительные незадействованные производственные мощности и для роста практически не требовались инвестиции, а в случае необходимости они были доступны на мировом рынке. В-третьих, в настоящее время девальвация произошла в большинстве стран — торговых партнеров России в Восточной Европе и на территории бывшего СССР. Иными словами, их конкурентоспособность возросла, и российские товары перестали быть более привлекательными по цене. В-четвертых, в результате почти десятилетнего бума возросла зависимость части отечественного реального сектора от поставок зарубежных комплектующих и оборудования, а на положение этих предприятий девальвация влияет негативно. Наконец, в-пятых, масштаб девальвации рубежа 2008–2009 гг. несопоставим с девальвацией 1998 г. (40% против почти четырехкратного снижения).

Хотя проводимая антикризисная политика позволила стабилизировать ситуацию и не допустить неуправляемого развития событий, у нее есть серьезные недостатки и ограничения. Главный из них — отсутствие реальных шагов в направлении антикризисной модернизации. На рубеже 2008–2009 гг. много говорилось о необходимости воспользоваться кризисом для ускорения модернизации, о том, что надо выделить модернизационный аспект антикризисных мер. Однако на практике основное внимание уделяется недопущению дестабилизации, а по сути — сохранению статус-кво.

Впрочем, добиться эффективного сочетания антикризисной (или даже восстановительной посткризисной) и модернизационной политики — задача очень сложная и практически не решаемая в рамках календарного года. Антикризисные меры должны быть запущены быстро, они не предполагают тщательной выверки и соответствия стратегии долгосрочного развития. Модернизация же требует серьезной концептуальной проработки.

Ситуация в чем-то напоминает 1920-е годы. Тогда советское руководство поставило задачу не только обеспечить восстановление экономики после семи лет войны, но и одновременно приступить к ее реконструкции (структурному обновлению). На практике это оказалось невозможным: с одной стороны, восстановление произошло слишком быстро, с другой — у государства не было реальных ресурсов, необходимых для структурного маневра. Начать реконструкцию до восстановления экономики (или параллельно с этим процессом) не получилось. Ее стали осуществлять позднее, причем сверхжесткими методами, что во многом было реакцией на нежелательные социально-политические результаты восстановления докризисной системы.

В этом контексте особенно актуально предостережение профессора экономики Школы бизнеса Стерна при Нью-Йоркском университете Н. Рубини, что восстановление 2009 г. происходит «слишком рано и слишком быстро». Риски такого восстановления — надувание нового пузыря, за которым в ряде стран могут последовать неприятные социально-политические катаклизмы.

Приоритеты экономической политики на 2010 год

Общим приоритетом социально-экономического развития России выступают модернизация и диверсификация экономики. Однако модернизация — долгосрочная проблема, которая должна стать предметом специального обсуждения в обществе. Помимо наличия соответствующих теоретических разработок и практических рекомендаций, требуется спрос на нее со стороны элиты или даже всего общества. Между тем в современной российской ситуации доминирующим настроением и главным политическим инстинктом остается рентоориентированное поведение — ожидание восстановления высоких цен на энергоресурсы и финансовых потоков предыдущего десятилетия.

Другая проблема — необходимость осознать комплексный характер модернизации. Она не может ограничиваться только отдельными секторами экономики (преимущественно военно-промышленным комплексом) или даже всей экономикой, а должна распространиться на все основные стороны жизнедеятельности общества, одновременно охватывая экономическую, политическую и социальную сферы. В свою очередь, это вызовет и культурное (идеологическое) обновление.

Среди приоритетных направлений экономической политики в области антикризисной модернизации можно выделить следующие.

Первое. Обеспечение макроэкономической стабильности; осуществление курса на снижение и поддержание инфляции на уровне ниже 5%; разработка стратегий прекращения мер фискальной поддержки экономики и постепенного сокращения бюджетного дефицита; координация мер денежной и бюджетной политики с целью не допустить неконтролируемого роста денежной массы и нового всплеска инфляции в 2011–2012 гг.

С этим связаны и контуры денежной политики. Она должна учитывать перспективы превращения рубля в региональную резервную валюту. Даже если данная задача сейчас кому-то кажется фантастической, ее решение в среднесрочном периоде вполне реально. Но не следует делать то, что может отдалить эту перспективу (например, раскручивать неконтролируемую инфляцию или вводить валютный контроль). Надо разработать программу мер по укреплению международных позиций рубля, в которой выделить этапы, не привязанные к определенным датам, но логически соподчиненные.

Второе. Повышение эффективности бюджетных расходов. Решение этой комплексной проблемы должно осуществляться по нескольким направлениям: выработка механизмов выделения приоритетных расходов вместо их быстрого масштабного наращивания в период бума и секвестирования в период кризиса; совершенствование бюджетного процесса и обеспечение его непрерывности, когда расходы бюджета направляются на оплату выполненных работ или оказанных услуг, а не привязываются к формальным рамкам календарного года; реформа бюджетных учреждений, выделение казенных, бюджетных и автономных учреждений и изменение механизмов их финансирования; совершенствование системы госзакупок.

Третье. Переход от политики консервации занятости к политике стимулирования создания новых рабочих мест и повышения мобильности рабочей силы. Это предполагает: прекращение административного давления на предприятия с целью сохранения занятости; увеличение финансирования программ поддержки безработных и их переобучения; более активное привлечение инвестиций и стимулирование (в том числе налоговое) инвестиций *green-field* («в чистом поле»), других форм создания новых рабочих мест; разработку программы переселения и поиска рабочих мест для жителей неперспективных моногородов.

При осуществлении мер социальной стабилизации необходимо следовать принципу: государство помогает людям, а не предприятиям, их высшим менеджерам или собственникам. Эта поддержка не должна сводиться лишь к выплате пособий по безработице: необходимо активно вовлекать людей в различные образовательные проекты, нацеленные на профессиональную переподготовку или повышение квалификации. Важность поддержки предприятий (особенно крупных) часто объясняют количеством занятых на них работников. Однако задачи структурного обновления экономики не предполагают сохранение всего набора существующих предприятий и поддержание текущего уровня занятости. Более того, модернизация неизбежно означает повышение уровня безработицы, рост с отстающим уровнем занятости (*jobless recovery*). Поэтому поддержка высвобождаемых работников — необходимый элемент модернизационной политики.

Четвертое. Стимулирование модернизации и развитие средне- и долгосрочного кредитования среднего и малого и средне-крупного (неолигархического) бизнеса; реализация программы приватизации в его пользу; существенное дерегулирование условий ведения бизнеса; снижение административной нагрузки на бизнес (особенно крупный и средний), включая налоговое администрирование; принятие административных регламентов по оказанию государственных услуг.

Пятое. В антимонопольной политике важно выделить два аспекта — собственно преодоление монополизма (антитраст) и стимулирование конкуренции. Первый аспект имеет ограниченное значение и в некоторых случаях (например, по отношению к быстро растущим новым секторам и предприятиям) может быть даже опасен, препятствуя внедрению инноваций. Сам по себе антитраст не может привлечь на рынок новые компании и стимулировать приток инвестиций и инноваций. Эти задачи решаются только позитивными средствами — действиями на стороне бизнеса, а не против него. Приоритетом должно стать обеспечение условий для развития конкуренции: снижение барьеров для бизнеса, формирование необходимой инфраструктуры, поддержка инноваций.

Шестое. Реформирование финансового сектора с учетом глобализации финансовых рынков и рекомендаций «большой двадцатки». Здесь надо ориентироваться на создание «длинных» денег. С институциональной точки зрения важно перейти на стандарты финансового рынка, принятые на ведущих финансовых площадках мира. Целесообразно поставить в качестве возможной цели создание в России (Москве) мирового финансового центра.

Седьмое. Приватизация части национализированных или приобретенных ВЭБом активов, в том числе путем создания паевых фондов или передачи в трастовый фонд пенсионной системы. Это помогло бы преодолеть последствия революционной приватизации 1990-х годов, которая, будучи весьма эффективной с политической точки зрения, не обеспечила должной легитимности сложившихся отношений частной собственности.

Восьмое. Развитие интеграционных процессов, начиная с достраивания Таможенного союза до Единого экономического пространства (ЕЭП). При формировании ЕЭП целесообразно ориентироваться на гармонизацию с законодательством ЕС (в той мере, в которой это не вредит экономическому росту), что позволит активизировать процесс интеграции ЕЭП и ЕС. Не менее важно завершить переговоры по присоединению к ВТО, а также вступить в ОЭСР. Этот процесс, если действовать последовательно, окажет долгосрочное влияние на институциональную модернизацию в России: ведь в рамках интеграционных объединений мы получаем фактически конкуренцию юрисдикций, что заставит страны-партнеры создавать более благоприятные условия для бизнеса и граждан.

Девятое. Уточнение подходов к пенсионной реформе и реформе медицинского страхования; повышение общественной востребованности накопительной пенсионной системы и долгосрочной финансовой устойчивости распределительной системы; увеличение продолжительности переходного периода к новым ставкам и тарифам.

Десятое. Решение проблемы моногородов.

И, наконец, *одиннадцатое* (последнее по порядку, но не по значению) — приоритетность отраслей, связанных с накоплением человеческого капитала, прежде всего образования, здравоохранения, пенсионной системы. Кризис лишь повысил актуальность развития социально-гуманитарного сектора как ключевого направления и фундамента модернизации.

Риски предстоящего периода

Общая характеристика нынешнего глобального кризиса — неопределенность его основных параметров⁵. Существует множество прогнозов, но никто не может ответственно сказать, сколько продлится кризис, будет ли его вторая волна, и если да, то в какой форме. Дискуссия о том, какой буквой можно обозначить кризис (V, U, W, L и даже Л), конечно, увлекательна, но не приближает нас к реальному пониманию перспектив развития страны и мира. «Я еще не сталкивался с таким длительным периодом отсутствия ясности с будущими заказами»⁶, — это высказывание европейского промышленника точно отражает настроения, господствующие в настоящее время в интеллектуальной и деловой элите.

Рецессия завершается, темпы экономического роста восстанавливаются, что внушает определенный оптимизм. Правительства и денежные

⁵ См.: Гайдар Е. Кризис в России // Экономическая политика. 2009. № 6.

⁶ Milne R. EU Business Wary over Recovery // Financial Times. 2009. Nov. 12. P. 6.

власти продемонстрировали свою способность быстро реагировать на ситуацию и не допустить ни серьезной экономической дестабилизации, ни краха банковской системы, за которой последовала бы полномасштабная катастрофа.

Однако существуют и серьезные сомнения. С одной стороны, кризис не начался с рецессии — лишь в некоторых странах, включая Россию, спад производства и начало финансового кризиса совпали по времени. Соответственно завершение рецессии не обязательно должно свидетельствовать о завершении кризиса. С другой стороны, рост пока связан преимущественно с усилиями властей. Основной вклад вносят бюджетные стимулы США и Китая, в результате рост в значительной степени искусственный. Мощные денежные вливания могут обернуться серьезной макроэкономической дестабилизацией и надуть очередной финансовый пузырь. Поэтому разговоры о новой волне кризиса несколько поутихли, но все-таки продолжаются, что вполне закономерно.

Финансовые трудности Дубая и Греции свидетельствуют о том, что кризис отнюдь не завершен. Проблема суверенных рисков вновь напомнила о себе, пока не в самых передовых странах. Однако темпы роста долга в развитых странах таковы, что нельзя исключить опасности возникновения суверенных рисков и в них, что может вызвать цепную реакцию в различных отраслях и странах. Сохраняется проблема накопленных плохих долгов в банковской системе. Они пока вуалируются и не списываются, что в недалеком будущем может негативно сказаться на экономической ситуации.

Однако дело не только в отдельных сферах экономической жизни, которые остаются неурегулированными и несут повышенные риски второй волны кризиса. Налицо системные риски, которые могут стать источником серьезной дестабилизации положения как в России, так и в глобальной экономике и политике. Рассмотрим их подробнее.

Наиболее важными нам представляются следующие риски:

- макроэкономическая дестабилизация;
- существенный рост государственного сектора (национализация) и усиление морального риска (*moral hazard*, риск недобросовестного поведения, или безответственность);
- восстановление идеологии и практики Большого Государства (*Big Government*);
- стремление к сохранению статус-кво и отказ от реальной модернизации экономики страны и отдельных предприятий (*business as usual*).

Ключевая проблема — накопление потенциала макроэкономической нестабильности, за чем может последовать нестабильность политическая. В прошлом году во многих ведущих странах проводилась экспансионистская бюджетная и денежно-кредитная политика, нацеленная на противодействие дефляции. Политика дешевых денег и бюджетных вливаний ведет к значительному росту суверенного долга большинства развитых рыночных экономик, а также делает реальной в перспективе угрозу высокой инфляции. В прессе во второй половине 2009 г. все чаще появлялись заявления типа: «Пора

объявить о победе над кризисом и отказаться от стимулирующей политики⁷. Поэтому вопрос о стратегии посткризисного развития (*exit strategy*), то есть о путях и направлениях дезинфляции и сокращения государственного долга, в настоящее время периодически возникает в дискуссиях политиков и экономистов. Хотя сомнения в реалистичности рисков неконтролируемой инфляции звучат достаточно громко⁸.

Политические сложности такой политики не менее очевидны, причем они касаются как времени перехода к *exit strategy*, так и политико-экономических последствий ее реализации. Политики развитых стран (особенно США) призывают своих коллег не ослаблять бюджетное стимулирование. Слишком ранний отказ от бюджетной экспансии может привести к срыву в рецессию, как в 1937 г. Однако чрезмерно длительная накачка экономики деньгами чревата рисками высокой инфляции⁹. Как свидетельствует опыт 1970-х годов, вырваться из этой ловушки непросто.

Сложилось две модели действий властей. Например, Великобритания, которая проводила политику мощных финансовых вливаний, явно должна будет повысить налоги и в перспективе сократить расходы государственного бюджета. Германия, которая традиционно проводит очень осторожную макроэкономическую политику, намерена балансировать бюджет при снижении налоговой нагрузки, стимулируя тем самым производство и ожидая на этой основе роста налоговых поступлений. США, как страна, обладающая мировой резервной валютой, будут, по-видимому, максимально долго продолжать стимулирующую политику, имея возможность монетизировать госдолг.

Еще труднее оценить политико-экономические проблемы и препятствия реализации посткризисной политики. Ужесточение бюджетных расходов и повышение процентных ставок — процесс болезненный при любом режиме, но особенно опасный для незрелых демократий, то есть для стран, избиратели которых по причине своей бедности более склонны верить популистским лозунгам. Уже сейчас, наблюдая за деятельностью правительств стран, готовящихся к выборам, нетрудно заметить склонность к популизму даже тех, кто до сих пор ему активно противостоял. Исключительно редко встречаются политики, сдержанно относящиеся к государственной экспансии¹⁰.

⁷ Goodhart Ch. It Is Time to Declare Victory and Withdraw Easing // The Financial Times. 2009. Dec. 1. P. 28.

⁸ Некоторые международные организации и ряд видных экономистов приводят аргументы в защиту инфляционной безопасности проводимой в настоящее время денежной политики. См., в частности: Trade and Commodity Report, 2009 / UNCTAD. Geneva, 2009. P. 39, а также статьи П. Кругмана и Р. Скидельски в газете *Financial Times* в мае—июне 2009 г. Разворнутая аргументация этой позиции содержится в: Koo R. A Personal View of the Macroeconomy / Nomura Securities. 2009. July 30.

⁹ См.: Giles Ch. BIS Calls for Wide Global Financial Reforms // The Financial Times. 2009. June 30. P. 3.

¹⁰ В связи с этим интересно отметить, что в узкий круг политиков, озабоченных последствиями популистских антикризисных мер, вошли Д. Медведев и В. Путин. В феврале 2009 г., выступая в Давосе, российский премьер-министр предостерегал против неуемной экспансии государства в вопросах собственности и регулирования. А в июле на саммите «большой восьмерки» президент России предложил ограничить государственные финансовые вливания и начать всерьез обсуждать стратегию посткризисного развития, то есть *exit strategy*.

Нельзя сбрасывать со счетов и риск попасть в замкнутый круг популистской политики и довольно долго двигаться по нему. Суть этого феномена достаточно проста и хорошо известна из опыта стран Латинской Америки XX в.

Бюджетная и денежная экспансия способствует оживлению экономики, но одновременно приводит к нарастанию госдолга и ускорению инфляции и росту процентных ставок. За этим следует дестимулирование производственных инвестиций — или из-за ускоряющегося обесценения денег, или из-за того, что наиболее привлекательными становятся вложения в государственные бумаги. Следующий шаг — ужесточение бюджетной и денежной политики — влечет за собой рецессию. За рецессией вновь может последовать смягчение макроэкономической политики — и так несколько раз по кругу. Подобные колебания неизбежно ведут к расшатыванию институтов государственной власти, снижению ее эффективности. В странах со слабыми институтами экономический цикл популизма нередко сопровождается политическими переворотами¹¹, поочередным приходом к власти популистских и консервативных диктатур. Разумеется, опыт XX в. здесь не абсолютный образец для повторения, однако дает важную информацию о возможной логике развития событий.

Серьезными проблемами могут стать национализация — фактическая (скрытая) или явная (открытая), а также усиление диралистских тенденций в экономической политике ведущих стран мира. Спасая должников и наполняя банки капиталом, расширяя гарантии по частным вкладам, государство принимает на себя риски, возникающие в результате действий всех основных участников хозяйственной жизни — и банкиров, и вкладчиков, и заемщиков. В борьбе с глобальным кризисом правительства многих стран с развитой демократией предпринимают усилия, дискредитирующие частную собственность, подрывающие фундамент рыночной экономики — личную ответственность человека (прежде всего предпринимателя) за принимаемые им решения. Политика национализации убытков далее делает неизбежной национализацию рисков.

Огосударствление попавших в тяжелое положение компаний обеспечивается посредством предоставления им финансовой помощи. Национализация осуществляется по крайней мере по трем каналам: через выкуп долгов отдельных фирм, рекапитализацию в обмен на акции, а также путем инфляционного обесценения накопленных обязательств. Государства склонны взять на себя все пассивы (обязательства) финансовых учреждений, как предоставляя гарантии,

¹¹ Классическим считается следующее описание популистского латиноамериканского цикла, сделанное в 1990-е годы Р. Дорнбушем и С. Эдвардсом. *Фаза 1* — начало популистской политики как реакция на депрессию или стагнацию оборачивается заметным ростом экономики и соответственно реальных доходов, обеспечиваемых как внутренним производством, так и импортом. *Фаза 2* — появление в экономике «узких мест», связанных с товарным дефицитом или дефицитом платежного баланса при постепенном сжатии международных резервов, направляемых на поддержание валютного курса. *Фаза 3* характеризуется быстрым нарастанием инфляции и (или) товарного дефицита, дефицита бюджета, оттоком капитала и демонетизацией экономики, что неизбежно ведет к девальвации, существенному падению доходов населения и почти всегда — к потере политического контроля со стороны правительства. *Фаза 4* знаменует переход к ортодоксальной стабилизации, осуществляющей новым (нередко военным) правительством (подробнее см.: The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1991. P. 11–12).

так и осуществляя прямое вливание капитала. Правда, у нынешней национализации есть одна важная особенность — ее вынужденный характер. Национализации XX в. были идеологически мотивированными: их авторы — от российских большевиков до британских лейбористов — были убеждены, что государственная собственность эффективнее частной. К концу прошлого столетия мир расстался с этой иллюзией, и на смену массовым национализациям пришла политика дерегулирования и приватизации. И вот теперь мы сталкиваемся с принципиально новым феноменом: никто (или почти никто) не считает госсобственность институтом, обеспечивающим экономическую эффективность, однако во всем цивилизованном мире антикризисная политика оборачивается серьезным усилением госсектора¹².

Помимо прямого огосударствления (национализации) наблюдается общий рост дирижизма, то есть увеличивается число индивидуальных решений институтов власти. Они (а не рынок) выбирают правых и виноватых, а также указывают экономическим агентам, какие услуги должны предоставлять и какие товары производить. Банкротство Lehman Brothers, с одной стороны, и помощь Bear Stearns, AIG и Citibank — с другой, плохо поддающиеся рыночной интерпретации, стали результатом индивидуальных решений, то есть соответствуют логике централизованно-управляемой экономики.

Системные риски связаны с появлением среди рыночных игроков «самых равных» — слишком больших, чтобы разориться (*too big to fail*). Аналог в современном русском языке — упоминавшийся феномен системообразующих предприятий. Имеется два аргумента в пользу их поддержки: из-за важности производимых ими товаров или услуг; из-за социальных (или политических) последствий в случае их закрытия.

Разумеется, во все времена существовали предприятия, крах которых нес повышенные социальные и политические издержки для данного общества. Однако сам феномен современного экономического роста предполагает не только появление новых бизнесов (и фирм), но и уход их со сцены в результате конкуренции. Конкуренция и отсутствие «неприкасаемых» лежат в основе современного экономического и — шире — общественного прогресса. Те, кто получает поддержку, оказываются в привилегированном положении и, будучи менее эффективными, смогут победить своих более эффективных конкурентов.

Возникает также эффект недобросовестного поведения (*moral hazard*). Если государство способствует снижению риска частной фирмы, то она может позволить себе рисковать еще более безответственно, поскольку всегда будет рассчитывать на поддержку государства.

Есть и другая проблема. Если на протяжении второй половины XX в. малые формы бизнеса воспринимались как источник инноваций и динамики (*small is beautiful*), то теперь реальные действия правительств большинства стран продемонстрировали, что какими бы прекрасными ни были малые фирмы, большими быть лучше, безопаснее.

¹² Thornhill J. A Year of Chocolate Box Politics // The Financial Times. 2008. Dec. 24. P. 6.

Это может существенно изменить парадигму экономического развития, затормозив (по крайней мере, на время) динамизм постиндустриального обновления.

Итак, политика в современном мире в значительной мере нацелена на сохранение многих гигантов, которые на самом деле оказались рудиментами экономики прошлого. Это было особенно заметно при предоставлении государственных гарантий российским правительством в 2009 г.: практически никто из получивших гарантии или деньги в ответ не предложил внятную программу модернизации.

Еще одна серьезная проблема, связанная с парадигмой too big to fail, – возрождение идеологии Большого Государства. Проблемы нынешнего глобального кризиса нередко объясняют недостаточным регулированием, поэтому звучат призывы расширить государственное вмешательство в хозяйственную жизнь. Правда, пока в основном говорят о необходимости ужесточить регулирование финансовых рынков и институтов, в том числе в международном масштабе. Однако за этим может последовать возврат к практике регулирования производства и торговли. Особенно уязвима в этом отношении Россия с ее традициями государственного участия в экономике. Во всяком случае, принятый в конце 2009 г. закон о торговле и стремление государства активно вмешиваться в ценообразование создают опасный прецедент, особенно с учетом отечественной «кредитной истории» дирижизма.

Не только у нас, но и в развитых рыночных демократиях на волне критики либеральной модели последних 30 лет стал популярен тезис о необходимости более активного вмешательства государства в экономику для преодоления рисков стихийного развития. Однако взвешенный анализ ситуации свидетельствует о неочевидности такого решения, поскольку государственное регулирование само по себе несет системные риски. «Высшие руководители призывают создать мощный орган по регулированию системных рисков. Но правительство США и есть наилучший источник риска», – небезосновательно пишет профессор Стэнфордского университета Дж. Тейлор¹³, и эти слова справедливы не только по отношению к деятельности правительства США.

Наконец, отметим отсутствие спроса российского общества на серьезное обновление, на модернизацию. Стремление к сохранению статус-кво применительно к современной России означает ожидание восстановления цен на товары российского экспорта (топливно-энергетические ресурсы и металлы) и возврат к докризисной модели роста. «Сохранение статус-кво в надежде, что цены на нефть повысятся и расходы бюджета можно будет сократить позднее... Москва стремится пережить текущий кризис, избегая реальных реформ в бюджетной, банковской сферах, в области естественных монополий или любых других секторах»¹⁴. Так оценивают ситуацию аналитики JP Morgan, которые посетили Россию в июне 2009 г. Это достаточно точная характеристика настроений, господствующих в политической элите

¹³ Taylor J. Exploding Debt Threatens America // The Financial Times. 2009. May 27. P. 9.

¹⁴ Russia. Emerging Markets Research / JP Morgan Securities Inc. June 12, 2009.

и широких общественных кругах. В этом нет ничего удивительного: именно с динамикой цен на нефть (газ и металлы) связывало общественное мнение экономический подъем 1999–2007 гг., как и начало нынешнего кризиса. Естественно, что выход из него ассоциируется с повышением цен на энергоресурсы. Надежда, что «все образуется» и мы вернемся к политике «управления ростом благосостояния», в 2009 г. доминировала.

Между тем сохранение ресурсной зависимости очень опасно, причем эта опасность за последние 40 лет лишь усилилась. Российская экономика всегда была зависима от экспорта ресурсов. Однако с 1970-х годов в стране сложилась принципиально новая реальность: зависимость от природных ресурсов, доходы от которых не связаны с экономическим развитием страны и ростом производительности труда. Такого никогда не было. Здесь-то и таится главная, стратегическая угроза. Эта ресурсная зависимость качественно отличается от сырьевого характера российской экономики прошлого, когда основу экспорта составляли продукты сельского хозяйства. *Политические риски современной ресурсной зависимости очень велики, поскольку ее результатом становится деградация основных общественных институтов.* Ресурсная зависимость привела к краху СССР именно в тот момент, когда страна стала сверхдержавой и, казалось, что ей уже ничего не угрожает¹⁵.

Системные вызовы и новые задачи

Современный глобальный кризис выходит за рамки стандартного циклического кризиса, его возникновение и развитие отражают глубинные проблемы социально-экономического развития ведущих стран. В этом отношении он действительно напоминает события 1930-х и 1970-х годов, когда кризисы сопровождались качественными сдвигами в политическом, экономическом и идеологическом облике мира. Кризисы такого рода должны дать ответы на ряд принципиальных вопросов, которые предопределят характер мирового развития на несколько десятилетий.

Выход на траекторию нового устойчивого роста возможен, если правительство данной страны решит проблемы, составляющие глубинное основание кризиса: технологические, экономические, регулятивные, социальные и, возможно, геополитические. Подобные изменения происходят достаточно медленно, ускорить их практически невозможно. Но можно замедлить, цепляясь за старые экономические и технологические формы. Какие это проблемы?

Технологический вызов. Появились новые технологии, углубляющие проникновение человека в природный мир и общественную орга-

¹⁵ На этот феномен обращал внимание еще Адам Смит: «Норма прибыли не повышается... вместе с процветанием общества и не понижается вместе с его упадком. Напротив, она обычно низка в богатых странах и высока в бедных, а на самом высоком уровне она всегда держится в тех странах, которые быстрее всего идут к разорению и гибели» (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007. С. 282).

низацию. Био- и нанотехнологии, а также новейшие информационно-коммуникационные системы формируют новую технологическую базу общественного развития, что потребует серьезных институциональных преобразований, все дальше уводящих развитые страны от наследия индустриального общества. Эта новая база сыграет такую же роль, как крупная машинная индустрия в 1930-е годы и микроэлектроника и компьютерные системы — в 1970-е.

Кризис предполагает технологическое обновление, с которым связана трансформация спроса на многие товары производственного и потребительского назначения, особенно инвестиционные и топливно-энергетические. Естественно, это скажется на ценах большинства присутствующих на рынке товаров, обусловит выход цен на новые равновесные уровни, что повлечет за собой изменение политических конфигураций.

Мотивация. Одной из глубинных проблем кризиса стало доминирование интересов капитализации над интересами повышения эффективности факторов производства (или роста производительности труда). Именно этот показатель в первую очередь интересует собственников-акционеров, по нему они оценивают эффективность менеджмента. Показатель, формирующий целевую функцию, начал доминировать по отношению к другим параметрам деятельности — производительности труда, обновлению производства, которые играли важную роль, если не противоречили росту капитализации. На практике это означало стремление к максимальной концентрации производства в руках нескольких глобальных игроков (фирм), невозможность закрыть неэффективные предприятия и, напротив, готовность включать их в большие холдинги как фактор расширения рынка и повышения капитализации¹⁶. Следствием такой мотивированности современного менеджмента становится усиление монополизма (в результате слияний и поглощений), замедление роста производительности труда, а в конечном счете — дестимулирование инновационной активности.

Главный вопрос регулирования, поставленный нынешним глобальным кризисом, заключается в изменении мотивации собственников и менеджмента с целью усилить их внимание к качественным аспектам развития фирм. Именно на решение этой задачи направлена идущая в настоящее время дискуссия о бонусах, выплачиваемых высшим руководителям. Ведь проблема бонусов не только (и даже не столько) морально-этическая, сколько экономическая: как должен формироваться бонус, чтобы ориентировать менеджмент на решение долгосрочных задач функционирования компании. Это более глубокая проблема, чем регулирование финансовых рынков, которая при всей ее важности производна от конфликта между капитализацией и эффективностью.

¹⁶ Мотивировка менеджеров крупнейших компаний все больше напоминала стимулы советских директоров, которые должны были отчитываться перед партийными и административными органами за выполнение плановых показателей (в рублях, в штуках), что делало невозможным обновление производства, переход к выпуску более качественной продукции (подробное описание этого феномена см. в: May B. A. В поисках планомерности. М.: Наука, 1990).

Структурная модернизация. Перед правительствами ведущих стран стоит задача помочь становлению новых секторов экономики, нового бизнеса, смягчая рост социального недовольства, инициированного системообразующими предприятиями — крупными старыми фирмами, посткризисные перспективы которых вызывают сомнения. По сути, это проблема сочетания текущих и стратегических интересов. С ней сталкивается администрация США, когда пытается решать две противоположные задачи: стимулировать потребление домохозяйств, чтобы не допустить дефляционной ловушки, и одновременно стимулировать сбережения, то есть привести в соответствие расходы и доходы домохозяйств. Между тем именно последняя задача стратегическая: без ее решения, без сдугия потребительского пузыря нельзя вернуться на траекторию устойчивого экономического роста.

Аналогичные противоречия существуют и в российской антикризисной политике, когда одновременно ставятся задачи воспрепятствовать росту безработицы и провести структурную модернизацию. Кризис первой половины 1990-х годов показал, что сохранение высокого уровня занятости смягчает социальные конфликты, но тормозит структурное обновление и повышение эффективности¹⁷.

Новая модель регулирования. Глобальный кризис должен привести к появлению новых моделей регулирования. Пока дискуссия здесь идет в логике и по моделям прошлого века — монетаризм против кейнсианства, дерегулирование против дирижизма. Этот парадигмальный ряд устарел, и еще предстоит найти новые формы и инструменты регулирования. В центре внимания должны стоять вопросы регулирования глобальных финансовых рынков, а не производственной деятельности предприятий. В этой сфере появилось несколько критически важных вызовов и инноваций, осмысление которых и нахождение соответствующих решений необходимы для полноценного выхода из кризиса.

Во-первых, поставлен вопрос о глобальном регулировании в отсутствие глобального правительства, то есть о поиске путей координации действий властей и бизнеса, находящихся в разных национальных правовых и политических системах. Это нетривиальная задача, не имеющая precedентов в экономической истории.

Во-вторых, еще только предстоит осмыслить роль и возможности регулирования новых финансовых инструментов, которые, по сути, спровоцировали нынешний глобальный кризис.

В-третьих, на повестку дня регулирования рынков выходит принципиально новое явление — «финансиализация» (financialization), ведущая к устранению непреодолимых раньше барьеров между товарным и фондовым рынками, между торговлей товарами и ценными

¹⁷ Снять препятствия на пути реструктуризации занятости важно и потому, что предприятия не склонны высвобождать неэффективную рабочую силу: вместо реструктуризации рынка труда в 2009 г. (как и в начале 1990-х годов) происходила его адаптация, выражавшаяся в сохранении занятости при снижении зарплат, сокращении рабочего дня и рабочей недели и т. п. (подробнее см.: Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 21–25; Капелюшников Р. И. Конец российской модели рынка труда? М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009).

бумагами¹⁸. Эти рынки, похоже, все больше сливаются, поскольку и те и другие торгуемые продукты могут в условиях современного информационного общества использоваться для решения чисто финансовых задач — прежде всего для хеджирования рисков. Особенno интересен в этом отношении феномен нефтяного рынка, на котором цена на нефть все больше отрывается от своей производственной основы — соотношения спроса и предложения на нефть как на топливо — и становится инструментом размещения свободных финансовых ресурсов¹⁹.

Анализ процессов финансализации позволяет сделать вывод, что возникновение пузырей в такой ситуации неизбежно, поскольку участники рынка (спекулянты) «могут существенно влиять на цены и создавать спекулятивные пузыри, нанося огромный ущерб нормальной торговой деятельности и рыночной эффективности»²⁰. Следовательно, неизбежно и существенное расширение роли государственного регулирования финансовых рынков. Правда, остается открытым вопрос о его принципах и инструментах. По-видимому, он станет одним из приоритетов будущих дискуссий экономистов и политиков.

Резервная валюта. Новая модель экономического регулирования будет сопровождаться трансформацией системы финансовых расчетов, что означает новую конфигурацию мировых (или резервных) валют. В дискуссиях на эту тему обсуждаются четыре основных варианта.

Во-первых, сохранение лидирующих позиций доллара США при возросшем значении как евро, так и нескольких региональных резервных валют. Во-вторых, повышение роли искусственной валюты международных расчетов (SDR) в качестве резервной. В-третьих, появление новой резервной валюты, то ли альтернативной американскому доллару и евро, то ли функционирующей наряду с ними, — здесь многие называют китайский юань. Наконец, в-четвертых, повышение роли региональных резервных валют и появление в их числе новых. Предполагается, что множественность резервных валют поддержит тенденцию к многополярности мира и будет способствовать большей ответственности денежных властей соответствующих стран (поскольку резервные валюты станут конкурировать между собой).

По данному вопросу пока идут дискуссии, преимущественно политические. Однако очевидно, что валюту нельзя «назначить» резервной. Выдвижение на эту роль происходит естественным путем, в результате проведения властями данной страны ответственной денежной политики, повышающей международную привлекательность ее национальной валюты.

Глобальные дисбалансы. Вопрос о глобальных дисбалансах и путях их урегулирования также далек от решения. По сути, речь идет о модели посткризисного миропорядка, о соотношении экономических сил и роли отдельных стран и регионов. Окажется ли это «большая

¹⁸ Этот термин использован в упомянутом докладе ЮНКТАД, в котором содержится специальная глава «The Financialization of Commodity Markets».

¹⁹ Данную особенность современного рынка нефти и ее влияние на перспективы экономического кризиса в России Е. Гайдар проанализировал в статье «Головокружение от успехов» (Экономическая политика. 2008. № 3).

²⁰ Trade and Commodity Report, 2009. Ch. 2.

двадцатка», «восьмерка», «семерка» или «двойка»? И какими будут резервные валюты посткризисного мироустройства?

Здесь важен ответ на вопрос о перспективах новой конструкции международных экономических и политических отношений. Некоторые политики (З. Бжезинский, Г. Киссенджер) говорят о «большой двойке» (G2)²¹, а Н. Фергюсон с налетом провокативности — о Кимерике (*Chimerica = China + America*)²². Имеется в виду формирование глобального дисбаланса между ростом сбережений в развивающихся странах и увеличением потребления в развитых, прежде всего в США. Несмотря на выраженную тенденцию к созданию такой конструкции, ее нельзя воспринимать как данность. (Слишком много тенденций, казавшихся очевидными, на практике не подтвердились.) Однако от того, приведет ли она к реальному возникновению G2, зависит многое как в механизмах выхода из кризиса, так и в конфигурации посткризисного мира.

* * *

Наличие системных проблем и вызовов обуславливает продолжительность кризиса, в который мир вступил в 2008 г., — порядка десяти лет. Речь идет о довольно длительном периоде нестабильности темпов роста, валютных режимов, политических систем. Скорее всего нам предстоит «турбулентное десятилетие». Этот период не будет характеризоваться постоянным спадом и таким накалом страстей, как осенью 2008 г. Но вероятны колебания темпов роста, его неустойчивость с локальными подъемами и спадами, всплесками инфляции и попытками ее подавления.

²¹ Brzezinski Z. The Group of Two that Could Change the World // The Financial Times. 2009. Jan. 14. P. 9.

²² Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. N. Y.: The Penguin Press, 2008.